

Судебная медицина

2 октября 1944 года

Семнадцать патологоанатомов и судмедэкспертов, все в темных костюмах и галстуках, собрались вокруг длинного стола в конференц-зале, обшитом деревянными панелями, на третьем этаже корпуса E-1 Гарвардской медицинской школы. Это было осенью 1944 года. В тысячах милях отсюда война опустошала Европу и острова Тихого океана. Мужчины собрались в Гарварде, чтобы пройти курс по судебной медицине — дисциплине, суть которой заключается в применении медицинских знаний к задачам закона и правосудия.

Доктор Алан Мориц сообщил собравшимся мужчинам неприятную новость. К несчастью, капитан Фрэнсис Глесснер Ли (она предпочитала это обращение, с тех пор как ее произвели в офицеры полиции штата Нью-Гэмпшир) вопреки своим планам не сможет посетить семинар¹. Она сломала при падении правую берцовую кость, а затем перенесла два сердечных приступа.

Все собравшиеся — квалифицированные эксперты, связанные с одним из наиболее престижных медицинских

институтов США, — прекрасно понимали, что именно предвещали такие проблемы со здоровьем женщине почти 67 лет. Сердечные приступы стали очередной приметой подкрадывающегося упадка сил, который все больше препятствовал повседневной работе Ли. Ее ожидал строгий постельный режим под бдительным присмотром врача, причем надолго.

Для Морица, одного из ведущих патологоанатомов страны, отсутствие Ли было и личной, и профессиональной утратой. Участникам семинара будет не хватать и энциклопедических познаний Ли в области судебной медицины, и умиротворяющего эффекта ее присутствия.

По учебному плану Фрэнсис Ли должна была передать учащимся специфические знания, позволяющие расследовать неожиданные и необъяснимые уходы из жизни, в частности определять время смерти, оценивать информацию о разложении и других посмертных изменениях, о травмах, нанесенных тупыми и острыми предметами. Ни в одной другой медицинской школе Америки не преподавали ничего подобного.

Ли была самой невероятной кандидатурой в лидеры зарождавшейся судебной медицины. Почтенная пожилая дама, питающая пристрастие к шляпкам без полей в стиле королевы Марии и черным платьям, которые она шила самостоятельно, Ли была одной из богатых и независимых представительниц Позолоченного века Чикаго. Женщина с непростым характером, почти недосяжимыми стандартами совершенства и фанатичной целеустремленностью, Ли не просто вела курс судебной медицины в Гарварде. Благодаря силе своей личности и во многом за счет собственных финансов она

практически единолично отвечала за становление судебной медицины в Соединенных Штатах.

Реформатор, педагог, правозащитница — ее влияние сложно переоценить. Эту почтенную матрону, стоявшую на пороге старости, почитали как одного из ведущих авторитетов в судебной медицине.

Но путь к этой точке был для Ли непростым. «Мужчины с подозрением относятся к пожилым дамам с идеями, — сказала она однажды. — Главная моя проблема — убедить их, что я не собираюсь во что-то вмешиваться или чем-то руководить. К тому же я должна внушить им мысль, что разбираюсь в том, о чем говорю»².

Прошло семь лет с тех пор, как она одобрила назначение Морица на пост руководителя первого в стране университетского курса по судебной медицине, и они стали не только коллегами, но и друзьями. Вместе работали над новаторским проектом, способным перевернуть сферу расследования внезапных и подозрительных смертей, создали интенсивный недельный курс по судебной медицине для сотрудников полиции. Мориц и Ли наметили смелый, революционный план, собираясь обучить полицейских современным научным методам криминалистики.

Ли почти два года без устали работала над серией изощренно детальных миниатюрных диорам — они научат полицейских обследовать место смерти, идентифицировать подсказки, которые помогают определить причины внезапного или неожиданного ухода из жизни. Фрэнсис назвала эти обучающие модели «Этюдями на тему необъяснимой смерти». Но теперь из-за ее болезни казалось, что все эти масштабные планы обречены.

«Ни одна из моделей не завершена и не может быть завершена, — писала Ли Морицу во время реабилитации в нью-гэмпширской усадьбе Рокс, построенной на принадлежащих ее семье землях (шесть сотен гектаров). — Надеюсь, вы согласитесь со мной, что в данных обстоятельствах семинар для полиции провести невозможно»³.

Мужчины, собравшиеся в конференц-зале корпуса E-1, приостановили свои мрачноватые занятия, чтобы составить черновик обращения, которое Мориц должен был передать Ли.

«Сим постановили, что все присутствующие на курсе по судебной медицине в Гарвардской медицинской школе обязуются быть вечно благодарны миссис Фрэнсис Ли и выражают свою признательность за всю ее щедрость, сделавшую возможной проведение данных курсов, которые, в свою очередь, так сильно продвинули развитие судебной медицины в Соединенных Штатах; а также все присутствующие искренне надеются на скорейшее выздоровление миссис Ли и ее возвращение к обычной жизни и самочувствию».

Чтобы оценить новаторскую роль капитана Ли в судебной медицине, необходимо отправиться в прошлое и узнать, как раньше выясняли причины смертей, в особенности смертей неожиданных и необъяснимых.

В 1944 году, согласно демографической статистике Соединенных Штатов, умерло чуть более 1,4 миллиона американцев. Большинство этих людей умерли у себя дома или в больницах. Свидетелями их смертей были врачи, медсестры, члены семей. Было известно, что они болели или перенесли травму, их состояние ухудшалось и затем они скончались.

Примерно одна из пяти смертей была внезапной или неожиданной. Скончавшиеся ничем не болели, умерли насильственной смертью, из-за причинения вреда здоровью или при иных неуточненных обстоятельствах⁴. Всего в 1944 году было зарегистрировано около 283 тысяч подозрительных смертей, из них не более одного или двух процентов (в лучшем случае несколько тысяч дел) проанализировали квалифицированные медицинские эксперты — доктора, специально обученные диагностировать причины и род смерти. В то время лишь в Бостоне, Нью-Йорке, Балтиморе и Ньюарке работали компетентные криминалисты, обученные судебной медицине и располагавшие оборудованными кабинетами. В большей части Соединенных Штатов всё еще пользовались услугами коронеров, архаичным наследием средневековой Англии.

Несмотря на повсеместность и неизбежность смерти, она всегда привлекала особое внимание людей. Разумом мы понимаем, что это произойдет с каждым, но, когда кто-то умирает, нас это все равно печалит и пугает. Глубоко в душе коренится потребность найти ответ. Что случилось? Почему этот человек умер?

Первые попытки расследовать истинную причину смерти в основном касались самоубийств⁵. На протяжении человеческой истории самоубийство рассматривалось как вызов богам или властям или преступление против себя. Солдаты Римской империи, покончившие с собой, считались дезертирами. Самоубийц запрещали хоронить на некоторых кладбищах.

Коронерская система расследований смертей возникла в средневековой Англии. Коронер (от английского *crowner* — «человек короны»), «блюститель королевских

интересов», служил представителем властей в уголовном процессе. Основной его обязанностью был сбор денег в пользу короны, в первую очередь налогов и штрафов. Коронер должен был доставлять судебные повестки шерифу и при необходимости мог его арестовать. Он также обладал полномочиями по изъятию королевской рыбы: осетра, белуги и другой добычи, достойной королевского стола, а еще исследовал выброшенные на берег обломки кораблей и найденные клады. Его задачей было убедиться, что корона получит все, что ей причитается.

Коронер также расследовал внезапные смерти и смерти, казавшиеся неестественными, выяснял, не был ли покойный убит или не покончил ли он с собой. Когда убийцу казнили или лишали свободы, все его имущество — дом, землю и прочее — конфисковывали. Поскольку суицид был преступлением против короны, коронер забирал в пользу двора и имущество самоубийц.

Коронеры были обязаны ответить на два вопроса: что вызвало смерть и кто за нее в ответе⁶. Первый вопрос относится к сфере медицины, а второй — к сфере уголовного права. Но коронеру не требовалось знать врачебное дело или закон. Он проводил коронерское расследование, которое совмещало черты медицинской и юридической экспертиз, для чего созывал следственное жюри из десяти — двенадцати человек. Большинство из них были неграмотными крестьянами, но многие могли знать покойного или быть свидетелями смерти. В расследованиях имели право участвовать только взрослые люди.

Коронер и следственное жюри были обязаны изучить труп, как правило, на том же месте, где произошла смерть или где останки были найдены. Расследование проводилось *super visum corporis* («по обозрении тела»).

Невозможность осмотреть тело лишала расследование юридической силы, и тогда оно просто не проводилось. Члены жюри должны были хорошенько обследовать труп, а не просто быстро окинуть его взглядом. Полагалось изучить тело на предмет признаков насилия и отметить наличие ран.

Конечно, в отсутствие базовых медицинских знаний мало что можно выяснить, осматривая мертвое тело. Тем не менее после изучения трупа и опроса свидетелей жюри путем голосования выносило вердикт. Не то чтобы научно обоснованный.

Если присяжные решали, что произошло убийство, следствие должно было назвать убийцу. Коронер имел право предъявить обвинение и арестовать обвиняемого, а шериф был обязан держать его в тюрьме до суда. Коронер выслушивал признание, если обвиняемый его давал, и конфисковывал собственность тех, кого в итоге приговаривали и казнили.

Когда северные европейцы колонизировали Америку, они привезли с собой английское общее право. Шериф, мировой судья и коронер — пережитки Средних веков.

Одно из первых зарегистрированных коронерских расследований в Америке состоялось в Нью-Плимуте зимой 1635 года, когда Джон Дикон, молодой слуга торговца мехом, был найден мертвым. «Обыскав тело, мы не нашли ни ран, ни следов ударов и никакого другого повреждения тела, — подвели итог присяжные. — Мы находим, что причиной его смерти стала телесная слабость, вызванная продолжительным голодом, усталостью от долгой ходьбы и крайнего холода»⁷.

В Мэриленде первый коронер появился через три года после основания колонии. Томас Балдридж,

фермер, выращивавший табак, был назначен шерифом и коронером округа Сент-Мэрис в 1637 году. Балдридж получил совершенно расплывчатую инструкцию: «Делайте всё и вся... что делают коронеры или шерифы в любом округе Англии»⁸. (Более подробное описание должностных обязанностей коронера появилось в 1640 году: «Обнаружив или заподозрив, что некий человек умер в пределах границ судебного округа, беспрепятственно осмотреть мертвое тело и, допросив людей под присягой, вынести правдивый вердикт о том, как, согласно доказательствам, погибла рассматриваемая персона»⁹.)

Два дня спустя после своего назначения, 31 января 1637 года, Балдридж провел первое расследование. Он собрал 12 присяжных (все они были свободными гражданами, табаководами), чтобы изучить труп Джона Брайанта, погибшего при рубке леса. Когда это произошло, рядом с Брайантом находился Джозеф Эдлоу, также табаковод.

Эдлоу сообщил жюри под присягой, что он просил Брайанта отойти в сторону: «Джон, осторожнее, дерево падает». По словам Эдлоу, Брайант отступил на пять или шесть шагов, но дерево, падая, задело другой ствол и, отскочив, упало на Брайанта, раздавив его своим весом. «И более названный Джон Брайант не произнес ни одного слова», — записали присяжные.

Балдридж вместе с жюри исследовал тело покойного. Они отметили «две царапины под его подбородком слева». Следователи справились со своим делом настолько хорошо, насколько можно было ожидать от группы неподготовленных фермеров, и пришли к выводу, что Брайант умер от кровопотери¹⁰.

Обязанностью Балдриджа как коронера была организация похорон и продажа имущества погибшего для уплаты его долгов. Запись о расследовании кончины Брайанта также включает тоскливый перечень пожитков: «два костюма и старый дублет», чулки и кальсоны, миски и ложки, немного мебели, каноэ, петух и курица, а также слуга Элиас Бич.

Первое известное вскрытие в Америке прошло в штате Мэриленд 25 февраля 1642 года¹¹. Его провел Джордж Бинкс, «лицензиат медицины», который был назначен старшиной присяжных во время коронерского расследования смерти мальчика-индейца, застреленного кузнецом по имени Джон Дэнди.

«Мы выяснили, что этот индеец (по имени Эдвард) пришел к своей смерти в результате выстрела, произведенного Джоном Дэнди, пуля которого попала в надбрюшье возле пупка справа, наискосок опустилась, пробив кишечник, задела последний позвонок и застряла со стороны Апо [ануса]», — сообщалось в докладе.

Что касается Дэнди, то он был приговорен к штрафу в размере трех тысяч фунтов табака и к смерти. Коронер конфисковал «имущество и скот Дэнди, а также переместил его ружья и боеприпасы в более безопасное место, чтобы не допустить их похищения индейцами». Смертельный приговор Дэнди был заменен семью годами службы в качестве палача.

Человеческая история в целом — история прогресса и непрерывного усовершенствования. Наша жизнь стала несравнимо лучше благодаря прорывным достижениям в сельском хозяйстве, гигиене, транспорте и медицине. Мы приручили электричество, построили

железные дороги и изобрели телефоны. Но на протяжении почти трех веков методы расследования неестественных смертей в Америке практически не изменялись. В большей части страны они оставались анахронизмом, наследием XIII века, имевшим больше отношения к алхимии, чем к современной медицине, опирающейся на науку.

Коронер был местным чиновником, его юрисдикция охватывала округ или город. Он мог быть шерифом, членом магистрата или мировым судьей. Он также мог быть плотником, пекарем или мясником. Во многих округах коронерами работали гробовщики. Коронера обычно избирали либо назначали избранные власти, так что его должность всегда была политически ангажированной. Он попадал на свое место благодаря не опыту или усердию, а политическим связям и лояльности. Чтобы сохранить этот пост, надо было поддерживать хорошие отношения с избирателями или политическими лидерами. Знать что-либо о медицине коронеру было необязательно — определить причину смерти ему помогал врач, которого обычно называли коронерским врачом, судебным медиком или медэкспертом.

Можно предположить, что, пока Америка оставалась преимущественно сельскохозяйственной, деревенской страной, коронерских расследований было вполне достаточно. Большинство внезапных смертей, скорее всего, были несчастными случаями, происходили по естественным причинам, таким как инфаркты или инсульты. В редких случаях подозрительных смертей виновники обычно не имели возможности скрыться с места преступления. Часто находились свидетели. Идентифицировать тело не составляло труда,

потому что у покойного обычно была семья или соседи. Большинство людей не отъезжали далеко от тех краев, где родились, так что все знали друг друга. В таких обстоятельствах 12 здравомыслящих соседей — это лучше, чем ничего.

Но по мере того, как росли города, недостатки системы коронеров становились всё очевиднее¹². Людей становилось все больше, как и возможностей для преступников. В нескольких кварталах большого города в убогие многоквартирные дома набивались десятки тысяч человек — приезжие, иммигранты, бывшие фермеры в поисках работы. Злоумышленник мог легко скрыться с места преступления на поезде или машине. В таких городах, как Нью-Йорк, Филадельфия, Чикаго или Бостон, стало очень легко затеряться, а значит, расследование подозрительных смертей оказывалось гораздо более сложным.

К тому же практически по всей стране коронеры имели репутацию малограмотных взяточников. Их положение было весьма удобным для коррупции, мести и шантажа. Коронер заводил связи с могильщиками, готовыми отстегнуть ему наличные. В некоторых юрисдикциях он имел право предъявлять обвинение и устанавливать сумму залога в случае убийства или преступной неосторожности, например при гибели на рабочем месте, но эта проблема легко решалась с помощью денег и влияния.

Коронеры были вправе организовывать расследования по собственному усмотрению, при этом за каждое дело коронеру и присяжным платили, что, по сути, позволяло им запустить руки в государственный карман. Коронеры выбирали в присяжные своих дружков

и могли рассчитывать, что те не глядя подпишут любое заключение, на которое укажет полиция или прокуратура. Вместо того чтобы помогать уголовному правосудию, коронеры часто становились помехой на его пути. Из-за своей нерасторопности они затягивали с предъявлением обвинений в убийствах, часто совершали примитивные ошибки. Их показания в суде зачастую были ненадежными и бесполезными.

Судебные медики при коронерах часто были ничем не лучше — некомпетентны и равнодушны к своим обязанностям. В 1920 году Реймонд Моли, профессор уголовного права Колумбийского университета, изучил дела, предоставленные коронерами округа Кайова в штате Огайо. Он обнаружил изобилие нелепых записей о причинах смерти: «то ли смерть, то ли самоубийство», «тетка сказала, что она жаловалась на пневмонию, похоже на наркоманию», «подозрительно напоминает отравление стрихнином», «найден мертвым», «голова отделена от тела», «то ли нападение, то ли диабет», «диабет, туберкулез или нервное несварение» и «найден раздавленным»¹³.

В 1914 году работу нью-йоркской коронерской системы расследовал комиссар счетной палаты города Леонард Вальштейн. Положение комиссара давало ему право истребовать документы и вызвать свидетелей для дачи показаний.

Слухи о расследовании пришпорили коронеров, которые затягивали с отчетами. Спустя месяц после объявления о расследовании Вальштейна коронеры подали отчеты о 431 предположительно насильственной смерти, около 200 из них произошли более года назад, еще 63 — более трех лет назад.

Выслушав свидетелей, в том числе всех городских коронеров и судебных медиков, в январе 1915 года Вальштейн издал разгромный отчет: среди всех мужчин, занимавших должность коронера, «ни один не обладал достаточным опытом или знаниями, чтобы считаться квалифицированным для надлежащего исполнения своих обязанностей». Из 65 человек, которые служили коронерами с основания Нью-Йорка в 1898 году, только 19 были врачами. В отчете уточнялось, что восемь человек были могильщиками, семь — «политиками и хроническими чинушами», шесть — агентами по недвижимости, двое содержали салуны, двое были водопроводчиками, а остальные представляли самые разные профессии, включая печатника, аукциониста, мясника, музыканта, молочника и резчика по дереву¹⁴.

Джордж Лебрен, который служил секретарем коронера сорок лет, в своих показаниях заявил, что коронеры Нью-Йорка были «бессовестными мошенниками, торгующими правосудием за мелкую монету. Единственное, что их интересует в каждом новом случае, — это выяснить, на чем они могут нажиться и как использовать свое положение для шантажа»¹⁵.

Судебные медики «набирались из рядов посредственности», гласил доклад Вальштейна. Хорошие врачи с обширной практикой не хотели тратить время на то, чтобы среди ночи осматривать трупы и связываться с судебными тяжбами. Врачей, которые были готовы сотрудничать с коронерами, притягивал стабильный источник легких денег. Они часто лишь окидывали тела взглядом, а то и вовсе ничего не делали. В докладе приводились примеры, когда врачи в моргах подписывали пачки свидетельств о смерти, едва взглянув на покойных.

Причины смертей, заверенные коронарами, часто были до абсурда нелепыми. В одном случае таковой был объявлен разрыв аневризмы грудной аорты, причем диагноз этот каким-то образом поставили без вскрытия. Одновременно в докладе коронара забыли упомянуть, что у покойного было смертельное пулевое ранение головы, а в руке — револьвер 38-го калибра, из которого был совершен один выстрел.

Следователи Вальштейна пересмотрели 800 свидетельств о смерти и обнаружили «полное отсутствие доказательств, оправдывавших выбор указанной причины смерти» в 40 процентах документов. Когда коронарских медиков спрашивали, почему они выбрали один диагноз вместо другого, имеющего схожие признаки и симптомы, те часто признавались, что не могут объяснить свои выводы. И кажется, они брали диагнозы с потолка.

«В целом у судебных медиков есть излюбленные причины смерти, — писал в докладе Вальштейн. — К ним относятся хронический нефрит, хронический эндокардит и, если речь идет о младенцах, судороги... Хронический нефрит и эндокардит ведут захватывающую борьбу почти на равных».

Свидетельства о смерти, заверенные коронарами, были настолько ненадежными, что представители отдела здравоохранения подтвердили: городская статистика смертности стала бы куда более точной, если бы такие свидетельства перестали учитывать вообще.

Система медицинской экспертизы отличается от коронарской в частности тем, что ответственность за определение причины и рода смерти лежит на компетентном враче, специально обученном такого рода диагностике. Юридическую часть работы коронара выполняет полиция,

прокуратура и суд. Коронерские расследования теперь полностью отменены.

Конечно, нельзя сказать, что все коронеры были коррумпированы или некомпетентны. Разумеется, среди них были достойные и честные люди, которые добросовестно выполняли свои обязанности. Увы, и сейчас некоторые судебно-медицинские эксперты не пригодны для этой работы. В оправдание медиков тех лет стоит сказать, что врачи мало что узнавали о смерти в медицинских школах, потому что пациенты, которых им предстояло лечить, были живы. Диагностика причины и рода смерти не входила в программу медицинских вузов.

Полиция также была совершенно не подготовлена к научному исследованию убийств примерно до середины XX века. Лишь в редких полицейских отделениях для трудоустройства требовался диплом о высшем образовании, и многие офицеры не окончили даже школу. Как и коронеры, многие полицейские не умели читать и писать, особенно в маленьких городах и сельской местности. Подготовка к работе была минимальной. Самым суровым в стране считался восьминедельный курс для новых рекрутов кливлендского полицейского отделения, введенный в конце 1910-х годов¹⁶. В полицию брали не за интеллект, а за силу и бесстрашие, способность разнять драку или затолкать подозреваемого за решетку. Навыки критического мышления также не имели значения, поскольку признание из подозреваемого можно было добыть путем допроса с пристрастием, то есть угрозами, запугиванием и побоями.

На месте смерти полицейские часто становились помехой. В неуклюжих попытках осмотра они нередко уничтожали улики: топтались по следам крови, перемещали

труп, ощупывали оружие, засовывали пальцы в дырки от огнестрельных выстрелов на одежде. Эти действия влияли на все дальнейшее расследование. Если полицейские были небрежны, если они упускали признаки обмана, не справлялись с фиксацией улик, критически важных для определения причины и вида смерти, то расследование было обречено с самого начала.

Реймонд Моли в своем докладе об уголовном правосудии в Кливленде особенно жестко прошелся по детективам, как правило, старшим и более опытным полицейским. Он описал их как недисциплинированных, плохо подготовленных и не умеющих работать с убийствами и другими серьезными преступлениями. «Считается, что детективы — это элита среди мужчин в форме. Примерно четверть из них обладают настолько низким интеллектом, что их можно сравнить с мальчишками девяти — тринадцати лет. Это подтверждается многочисленными примерами слабой детективной работы»¹⁷.

С середины до конца 1800-х годов репутация коронеров Бостона была такой же плохой, как и везде. Губернатор мог назначить неограниченное число коронеров, и такое назначение было лакомым кусочком, фактически лицензией на коррупцию. До создания бюро судебно-медицинской экспертизы в 1877 году в городе было 43 коронера. В Нью-Йорке, где население было в три раза больше, работали четыре коронера на всю юрисдикцию. В округе Суффолк было больше коронеров, чем в Нью-Йорке, Филадельфии, Новом Орлеане, Чикаго, Сан-Франциско, Балтиморе и Вашингтоне вместе взятых¹⁸.

«Коронер — представитель власти, вооруженный практически полнейшей силой закона», — писал видный бостонский адвокат Теодор Тиндейл¹⁹.

В первую очередь он решает по своему усмотрению, необходимо расследование или нет, и уже очевидно, насколько велики возможности для злоупотребления в этой сфере: человеку, чья безнравственность и страх сильнее чести и честности, будет несложно помешать правосудию преградить дорогу любому законному расследованию преступления, лживо объявив его необязательным, а затем отвести подозрения, скрыть следы и улики, организовав поспешные похороны. Но раз он способен таким образом защищать виновных и подвергать угрозе публичную безопасность, то возможности человека, одержимого злобой или мстительностью, или желанием дешевой известности, воистину достаточно велики, чтобы заставить нас содрогнуться.

Скандал, который предшествовал концу коронерской системы в Бостоне, разгорелся, когда в мусорном баке нашли тельце новорожденного. Один из районных коронеров Бостона провел расследование, вынесшее вердикт «смерть от рук неустановленного лица». Каждый член жюри получил два доллара, а коронер заработал десять долларов. Но вместо того, чтобы проявить хоть малейшее достоинство, коронер решил воспользоваться случаем. Труп младенца подкинули в другой район, чтобы следующий коронер провел новое расследование и выкинул тело снова. Разлагающийся детский трупик использовали четыре раза, пока об этой отвратительной афере не стало известно общественности²⁰.

Таким был конец коронеров Бостона. В 1877 году законодатели отменили коронерскую службу и расследования и назначили компетентного врача ответственным за расследование смертей.

Таким был мир, который стремилась изменить капитан Фрэнсис Глесснер Ли. До ее вмешательства расследования смертей шли протоптанной дорожкой, сворачивая с нее лишь тогда, когда общественность потрясли особенно возмутительные скандалы. Фрэнсис Ли предстояло вывести Соединенные Штаты из тьмы Средневековья, заменить коронеров судмедэкспертами и модернизировать расследования неожиданных и необъяснимых смертей.

Полицейское отделение Чикаго старше, чем сам город²¹. Тридцать первого января 1835-го, за два года до основания города, Генеральная ассамблея Иллинойса разрешила поселению Чикаго создать собственную полицию. Семь месяцев спустя Орсемус Моррисон был выбран первым городским констеблем.

Будучи констеблем, Моррисон носил «церемониальный жезл» — покрашенную в белый цвет деревянную дубинку, которая была не столько оружием, сколько украшением и символом возложенных на него полномочий. В обязанности констебля входили сбор штрафов и налогов, а также служба в качестве коронера округа Кук и проведение расследований в случае подозрительных смертей.

Первым делом Моррисона было расследование смерти приезжего француза, найденного мертвым осенью 1835 года²². Труп нашли рано утром наполовину погруженным в грязную канаву в лесистой местности, где сходились несколько улиц (сегодня на этом перекрестке располагается здание городского Совета). Моррисон созвал присяжных. Они выяснили, что покойный остановился в отеле и отправился на вечернюю прогулку. Он был пьян и, очевидно, заблудился и упал на заболоченном участке.

Присяжные пришли к выводу, что мужчина замерз до смерти по несчастному стечению обстоятельств. Свидетельств иного не было.

Когда Моррисон служил констеблем, Чикаго был поселком, где жили немногим более четырех тысяч человек. Однако поселок, удобно расположенный неподалеку от Великих озер, железных дорог и реки Миссисипи, быстро стал крупным центром промышленности и торговли. Сельскохозяйственное оборудование, продававшееся в Чикаго, преобразовало обширные прерии страны в изобильные фермерские земли. Скот и свиньи, которых выращивали на Среднем Западе, возвращались в Чикаго для забоя, а оттуда мясо вместе с зерном и кукурузой поставлялось по всем Соединенным Штатам. Город стал домом для крупнейших промышленников страны и некоторых самых богатых семейств.

В 1800-е годы население Чикаго увеличивалось с захватывающей дух скоростью. К 1860-м годам город вместил более сотни тысяч человек. В следующее десятилетие количество жителей почти утроилось, достигнув трех сотен тысяч. И среди легиона молодых людей, мигрировавших в Чикаго в тот период роста, были родители Фрэнсис Ли — Джон Джейкоб Глесснер и Фрэнсис Макбет.

Сын газетного издателя Глесснер родился в 1842 году и провел годы своего становления в Огайо. В двадцать лет он выбился в люди, получив место счетовода в компании *Warder, Child & Co*, расположенной в Спрингфилде, промышленном городе на юго-западе штата²³. Фирма, делавшая сеялки, косилки и сажалки, входила в число крупнейших производителей сельскохозяйственного оборудования в стране. Глесснеру, хорошо подкованному в бизнесе, успех был обеспечен. В Спрингфилде

молодой человек снимал комнату у семьи Макбет, в их доме он познакомился с Фрэнсис, юной учительницей, и влюбился в нее.

В 1869 году директор Warder, Child & Co решил открыть офис в Чикаго, чтобы увеличить свое представительство на Среднем Западе. Глесснер вызвался возглавить новое отделение и был назначен вице-президентом компании. Они с Фрэнсис поженились в доме ее родителей в Спрингфилде, навестили родителей Джона, а затем сели на поезд, чтобы начать новую жизнь в Чикаго.

Второго октября 1871 года, за неделю до Великого чикагского пожара, Глесснеры отпраздновали рождение своего первого ребенка, Джорджа Макбета. Дочь Фрэнсис родилась 25 марта 1878 года. Здоровую полненькую девочку называли Фанни.

Глесснер неуклонно богател. Когда в 1877 году он стал младшим партнером компании, его доля составила 39 600 долларов (или 872 тысячи по нынешним ценам). К сорока годам Джон Джейкоб Глесснер владел капиталом приблизительно в 27 миллионов долларов (в пересчете на современные деньги). Он был одним из самых богатых людей в Чикаго.

В один прекрасный момент пять самых крупных производителей сельскохозяйственного оборудования — McCormick Harvesting Machine Company, Deering Company, Plano Manufacturing Company, Wisconsin Harvester Company и Warder, Bushnell, & Glessner (премница Warder, Child, & Co) — слились, чтобы образовать International Harvester Company. В момент создания компания оценивалась в 150 миллионов долларов. Джон Джейкоб Глесснер, в то время уже директор Warder, Bushnell, & Glessner, был избран председателем испол-

нительного комитета International Harvester. Теперь ему принадлежала часть крупнейшей компании-производителя в мире, и благополучие семьи Глесснеров было обеспечено на поколения вперед.

Богатство позволяло реализовать общую страсть семьи к музыке и искусству. Джон и Фрэнсис любили посещать живые выступления, оперу и концерты и приучали своих детей, Джорджа и Фанни, разбираться в искусстве. Больше всего Глесснеры увлекались классической симфонической музыкой. Джон был одним из тех, кто выделил средства на основание Чикагского симфонического оркестра в 1891 году. Он оставался горячим поклонником оркестра и поддерживал его до конца своей жизни.

Глесснер, избранный попечителем Ассоциации оркестров, вложил более 12 тысяч долларов в строительство концертного зала по проекту Даниела Бёрнема. Ложа М, расположенная прямо за дирижерским пультом концертного зала, была зарезервирована специально для семьи Джона. Музыку часто исполняли у Глесснеров дома: их близкими друзьями были дирижер Чикагского симфонического оркестра Теодор Томас, его преемник Фредерик Сток и некоторые музыканты оркестра. Игнаций Ян Падеревский, прославленный пианист и впоследствии премьер-министр Польши, также нередко бывал у Глесснеров.

Джон Джейкоб и Фрэнсис Макбет были энтузиастами культурного и интеллектуального самосовершенствования. Глава семейства активно участвовал в литературном клубе, а жена брала уроки литературы, учила французский, итальянский и немецкий. Они ценили качественную мебель, покупали предметы искусства и декоративные объекты для своего дома. Во время визита

на Международную промышленную выставку 1875 года Глесснеры заметили восхитительную мебель из черного ореха, созданную Айзеком Скоттом, известным художником, краснодеревщиком и дизайнером²⁴. Глесснеры заказали Скотту книжный шкаф, и так началась история прочной дружбы — на всю жизнь. Скотт год за годом создавал мебель, керамику, картинные рамы, вышивки, изделия из олова и другие аксессуары для Глесснеров.

Достаток родителей гарантировал детям Глесснеров жизнь в полном комфорте и безопасности.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

